

Алексей Черных

Божественная интермедия

16+

Алексей Борисович Черных

Божественная интермедия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48714604

SelfPub; 2019

Аннотация

Почти сказочная история. Но поди разбери, где заканчивается быль и начинается сказка. Ведь и Гомер, как герои его бессмертных поэм, тоже может быть героем, но в других поэмах.

Маме

*Заранее вычислив участь звезды,
Что с неба падёт послезавтра,
Я из дому вышел проверить цветы,
Нектар заготовить на завтрак.
С утра, завертевшись в пустой суете,
Я жёг свое тело прохладой
И думал о той несчастливой звезде,
Жалея, шептал ей: «Не падай...»
Автор, «Восьмистрочия»*

1

День легко сползал к закату;
Тучи мчались суетливо,
Озаряясь розоватым
Солнца отблеском игривым.
Я стоял, застыв нелепо,
Наслаждаясь сочным видом
Восхитительного неба,
Цвета яркою сюитой.

Если вырасту поэтом,
Стихотворные мотивы
Посвящать я буду этим
Предзакатным переливам.
Что ещё на целом свете

Может быть таким красивым?

2

По дороге, что, петляя,
К нам сбегала с горных гребней,
Семена и ковыляя,
Шёл старик, сухой и древний.
Борода его седая
Вилась в лёгких струях ветра.
За спиной – сума пустая,
На груди – в чехле из фетра –
Гусли старые виднелись.
Несмотря на то, что бедно
Был одет старик, смотрелись
Гусли ярко и приметно.

Я вбежал в деревню с криком:
«К нам идёт гуслияр бродячий!...» –
После скуки нашей дикой
Был старик для нас удачей.

Вмиг заполнились народом
Все окрестные проулки,
Позаброшены работа,
И занятья, и прогулки.
Мне не часто удавалось
Видеть, чтобы так в охотку

Столько б жителей сбежалось
На общественную сходку.
Ну а тут – без принужденья,
Без пинков и без приказов
Всё живое население
Собралось почти что сразу.

3

На площадке в центре самом
Нашей небольшой деревни
Сотни лет лежал упрямо
Камень несказанно древний.
Сколько раз его пытались
Хоть на локоть передвинуть,
Лишь напрасно напрягались
И свои ломали спины:
То ли камень этот корни
В глубь земли пустил глубоко,
То ли чары некий ёрник
Наложил шутливым оком.

И когда община дружно
Плюнула на бунт валунный,
Порешили: будет нужный
Как сиденье и трибуна.
Средоточием вселенной
Стал для нас упрямый камень,

Атрибутом непременно
Сходок, проводимых нами.

Да к тому же оказалось,
Что на камне пресловутом
Только правдой получалось
Выражаться почему-то.
Если ж кто-то собирался
С камня высказаться ложно,
Неожиданно сбивался,
К правде тут же возвращался
И конфузился безбожно.

Камень этот оказался
Правдолюбцем невозможным.

4

Гусляра, хоть был он скромн,
Мы с почтеньем окружили
Да присесть на наш феномен
Деревенский пригласили.
Старец чинно и неспешно
На валун сухой уселся,
На колени гусли нежно
Опустил и огляделся.
Сняв чехол, провёл по струнам
Тонкой сморщенной рукою,

Тенором, неожиданно юным,
Впился в душу, как иглою.

Шум толпы перекрывая,
Пел он поначалу громко.
Голос, плавно нарастая,
Страстно ширился и ёмко.
Площадь, что всю клубилась
Сонмом бряцаний и стуков,
Постепенно подчинилась
Магии волшебных звуков.

К нам старик, вполне возможно,
Прибыл из безвестной дали,
Но язык его несложный
Мы легко воспринимали.
Не совсем, конечно, были
Ясны некие понятия,
Что так нашему претили
Жизненному восприятью.
Но о них, понятиях этих,
Мы могли судить по смыслу
Звонких песенных куплетов,
То мажорно разогретых,
То совсем минорно кислых,
То трагичных, словно соло

Обжигающей метели,
То вдруг нежных, словно голос
Матери у колыбели.

Пел, играл старик чудесно,
Сразу было видно – мастер,
Музыкой своей прелестной
Пробуждал благие страсти.
Мир, обыденный и сонный,
Надоедливый и бранный,
Отступал беспрекословно
Перед песней постепенно.
Так приятно было слушать,
Так волшебно было слышать,
Песня радовала душу,
Песня делала нас выше.

Всё – до мелких эпизодов –
Словно писано с натуры:
Эпос множества народов,
Связанных одной культурой.

Вязь ажурная сюжета,
Все эпитеты-сравненья,
Обороты-словоцветы
Поэтического пенья –

Были склеены искусно,
Органично, ясно, точно,
Завораживали вкусным
Словом, трепетным и сочным.

5

Сам сюжет таков был: как-то
Некий царь решил жениться
На богине – этим актом
С олимпийцами сродниться.

Свадьба, как и ожидалось, –
А позвали очень многих, –
На весь мир предполагалась,
Были люди, были боги.
Представителей известных
Стран и близких и далёких
Царь-жених, его невеста
Пригласили точно к сроку.

Но по глупости богиню,
Что заведует раздором,
Не позвали по причине
Опасенья лишних споров.
Так она им отомстила
За такое невниманье –
Злой интригою сгубила

Беззаботное гулянье.
То, чего и опасались
Да по-всякому старались
Избежать, таки случилось.
Месть богов – не божья милость...

Чем же удалось богине
Закрутить на свадьбе ссору?
Яблоком. Его отныне
Знают яблоком раздора.

В зал со свадебным гуляньем
Вместе с этим плодом сладким
Передали указанье
С текстом и простым и кратким:
«Красивейшей!» И хватило
Одного всего лишь слова,
Чтобы спор огромной силы
Развернулся бестолково.

6
Разумеется, любая
Женщина легко покажет,
Что от края и до края
Нет её на свете краше.
И мужчины (чтоб в дальнейшем
Не грузить себя заботой

И истерикой глупейшей)
Вторят женщинам с охотой.

А богини уж, – вестимо,
Как напел гусяр бродячий, –
Видели неотразимость
В красоте своей тем паче.

Так что каждая особа
Пола женского желала,
Чтоб её зачли к особым
Звёздам свадебного бала.
И когда повис сомненьем
Вдруг вопрос о красивейшей,
Зло осыпать оскорбленьем
Из всех зол осталось меньшим.

Вмиг с соседкою соседка
Закрутили ссору лихо.
Что блондинка, что брюнетка, –
Полная неразбериха.

Кто из них, девиц, красивей?
Та, кто прочих кучерявей?
Та, чья кожа на отливе
Побелее-посмуглявей?

Та, чей голос уподоблен
Нежному журчанию речки?
Та, чей стан легко способен
Враз лишит мужчину речи?

Или Та, Кто на Олимпе
Всех виднее по рождению
И на Чьём лучистом нимбе
Теплится венец творенья?

Спорят, брызгают слюною,
Никого никто не слышит,
Трусят формою литою,
Нервно бюстами колышут.

7

Драка явно назревала –
Вот какая вышла свадьба!

Встал жених да вышел с залы
Он во двор своей усадьбы.
Выдохнул остатки хмеля
С тяжким и печальным охом
И подумал: «От борделя
Этого мне будет плохо.

Если сам рядить я буду,

Кто из них, крикливых, краше,
Да по глупости забуду
На пиру на горьком нашем,
Титул самой распрекрасной
Дать божественной супруге,
Можно брак считать напрасной
И ненужною потугой.
Уж тогда вовек не знать мне
Ни родства с Олимпом славным,
Ни престижа среди знати,
Коль не стану богоравным...»

Вдруг возник пред ним парнишка,
Молодой и сухощавый,
Сын какого-то вождишки
Из занюханной державы.
По нужде, видать, он малой
Выбегал. Всё как обычно...

«Стой! Иди сюда-ка, малый!» –
Царь привзвизгнул истерично.
Но опомнился и снизил
Свой напор он на полтона.
Паренька к себе приблизил,
Оглядел почти влюблённо
И спросил: «Ты любишь женщин?»»

Краской мальчика залило:
Был он с явных деревенщин,
И ему, конечно, льстило
Это царское вниманье
С неожиданною лаской.

Он сказал: «Люблю», – с иканьем
Потупивши долу глазки.
Парня просто оглушила
Мощью царская харизма.
Да и Вакх ослабил силу
Молодого организма.

«Умница! – сверкнув глазами,
Царь изрёк. – Таких я славлю!»
Мысленно ж потёр руками:
«Вот его-то я подставлю...»

8

Паренёк – ума палата,
Выслушал царя послушно,
Источая ароматы
Чеснока и пива душно.
Он поверил в свой богемный
Дар оценивать огромный.
Перестав икать, мгновенно

Принял вид уморно-томный.

Царь, ведя его под своды
Своего дворца, продолжил
Заливать в мальчика методы,
Что и как тот сделать должен.

В зале же его представил
Знаменитым на Востоке
Скульптором, чей труд прославил
Красоту весьма широко.
Вот, мол, он – знаток искусства,
Красоты ценитель страстный,
Чтец, оратор златоустый,
Человек во всем прекрасный,
Да к тому ж еще не местный...
Значит, правильно рассудит,
Кто из вас кого прелестней!
Как он скажет, так и будет!

Юноша, надменно пыжась
(Всё по царскому совету),
Чрез проход, слегка колышась,
Чуждой важностью согретый,
Вышел в центр огромной залы
И с задумчивостью ленной

Оглядел народ усталый
С мудростью новоявленной.

9

Ну и выбрал... Зал аж ахнул,
Ведь такую обезьяну
Мало кто бы выбрал спьяну
И за ломаную драхму.

В только что кипящем споре
Вдруг слова свились резиной.
Ну, так кто же будет вздорить
С откровенной образиной?

Да к тому же вес избранки
Был солидным на Олимпе.
Приослабла перебранка,
Кто-то охнул, кто-то всхлипнул...

Спор зачах. Скандал, конечно,
Не замаялся. Только всё же
Завершением успешным
Царь доволен был, похоже.
Бестолкового мальчишку
На заклание отправив,
Все последующие шишки
На его семейство сплавил.

Ход не то чтобы прекрасный
Сделал он своей подставой,
Но супруги гнев напрасный
От себя отвёл на славу.
И для гостей олимпийских,
Гнев которых был бы делом
Неприятнейшим и склизким,
Царь остался как бы в белом.

Та ж, которая неожиданно
Признана была прекрасной,
Удивившись несказанно,
Стала от смущенья красной.
А потом заверещала
И довольно легковесно
Пареньку пообещала
Встречу с женщиной чудесной,
Самой наираспрекрасной,
Страстной, нежной и желанной,
Полной прелести дурманной.

И от этого – опасной,
Это сразу было ясно.

10

Ночь уже засеребрилась

Предрассветным просветленьем.
Вся округа затаилась,
Очарованная пеньем.
А старик-гуслиар как будто
И не чувствовал усталость,
Песня птицей полногрудой
Над деревнею взвивалась.

Я хоть был и очарован
Благозвучьем необычным,
Но почувствовал, что скован
Ощущеньем непривычным.
Эта скованность явилась
Откликом на то, что всё же
Многое в той песне мнилось
Мне на правду не похожим.

Но гуслиар сидел на камне
Правдолюбном нашем, значит,
То, что он пропел пред нами,
Истина – и не иначе.
Но я знал, сказанье это
С правдой вовсе не дружило.

Может, знал старик заветы
Против камня мощной силы?

Мельком я взглянул на маму –
Замерев она сидела,
Покорившись фимиаму
Песни гуслира умелой.
Мама тихо улыбалась,
И ее полуулыбка
Ироничною казалась,
Еле видимой и зыбкой.

Мама тоже ощутила
Это с правдой расхожденье,
Что сейчас меня смутило
В стариковском песнопенье.

11

А события в сказанье
Нарастали полным ходом.
Ссора в свадебном гулянье
Разрослась в войну народов.

Боги, точно как и люди,
На альянсы поделились,
Явно или тайно – всюду
Вмешивались, суетились,
Помогали и мешали,
Искушали, истребляли,

Жутким громом оглушали,
Яркой молнией сражали.

Как богиня обещала,
Юноша красотку встретил.
Ту, которая и стала
Всех желаннее на свете.

Но была она замужней.
Царь-супруг – глава державы –
Даже ел и спал с оружием,
Воин был достойный славы.
И когда какой-то хлюпик
У него жену похитил,
Медную тарелку в тюбик
Он скрутил без многих гитик.
Просто пальцами. И в щепки
Стол сломал в пылу разноса
Со столешницей из крепких,
Как гранит, дубовых досок.

Загоревшись в жажде мщенья
И горячке сумасшествий,
Царь подумал: похищенье –
Повод для активных действий.

Он собрал большое войско
И пошёл войной, сметая
Всех соседей, не по-свойски
Грабя их и поджигая.

Где-то с битвами, а где-то
Проходя почти свободно,
Войско с наглостью отпетой
Брало силой что угодно.

Но увлѣкшийся взиманьем
Неподъѣмных контрибуций
Царь растрачивал вниманье,
Силы и ассигнованья
На разбой тупой и куций.
К цели ж продвигался слабо.
Но – как среди царей бывает –
Он считал, что баба бабой,
А пограбить не мешает.

Покорив десятки разных
Крепостей и стран несмелых,
Войско царское ужасно
От обозов разжирело.
Жадность с алчностью не знали
Ни порядка, ни границы.

Тучей к войску прилипали
Проходимцы и блудницы.

Так что вскоре ясно стало:
Боевая единица
Боевитость растеряла
И успела разложиться.
Каждый воин больше думал
О надёжном сохраненье
Прикарманенной им суммы,
Чем о бое и сраженье.

12

Только от того, что боги
Позволяли благосклонно
Избегать царю тревоги
Быть врагами поражённым,
Часто собственным участием
Помогали в бранных стычках, —
Триумфаторское счастье
Было у царя в привычках.
Сколь ни сладок вкус победы,
Шло к тому, что очень скоро
Должен был он встретить где-то
Хоть подобие отпора.

...Но не встретил. Страх сильнее,

Чем разумное мышление.
Он хранил царя вернее,
Чем Олимпа вспомощление.

Полководцы стран, что были
На пути царя-ревнивца,
Рассудительно решили
Пропустить сего спесивца.
Дескать, незачем стараться
Защищать свою державу,
Если боги суетятся,
Гордецу верстая славу.
Лучше уж соединяться
С войском вражьем, право слово,
Так чтоб вместе наслаждаться
Грабежом добра чужого.

Так, пока на эмпиреях
Боги мерились уменьем,
Ни о чём не сожалел,
Ткать интриг хитросплетенье,
Царь-воитель громогласно
Подошёл к стенам столицы,
Где с избранницей прекрасной
Паренёк успел укрыться.

Этот юноша бездумный
Вместе с краденой подругой
Всё забыл. Они безумно
Были счастливы друг с другом.
Им отнюдь не досаждали
Размышленья и тревоги.
Что б потом о них не стали
Думать люди или боги.

13

Войско город окружило,
Ощетинившись шатрами,
Всю округу задымило
Бивуачными кострами.

Не считая мелких стычек,
Всё прошло довольно гладко.
Сытые своей добычей,
Воины не рвались в схватку:
Ни лихих ударов сходу,
Ни форсированных штурмов, —
Тихо, с легкой неохотой,
Как бы чинно и культурно.

Даже царь, изнеможённый
Неудобствами похода,
Местью злобной поражённый,

Не пожаловал заботу
Штурма подготовки нудной.
Он, себя не утруждая,
Пил неделю беспробудно,
Свой шатёр не покидая.

Дня четыре после царь наш
Страшно маялся похмельем,
Заявив, что, мол, астрально
Он готовится к веселью
Сокрушительного штурма
С разграбленьем осаждённых.

Сам же зло и нецензурно
Поносил вакханок жжёных.

Только где-то через месяц
Полноценный бой случился.
Царь, слегка покуролесив,
Побузил и отступился.
Он почувствовал: осада
Будет очень невесёлой.
Сердце жёсткая досада
Сжала обручем тяжёлым.

Царь опять запил. Вакханки

У шатра его кружили
Беспробудной нервной пьянки
Бесконечные кадрили.
И солдаты не отстали
В питье от полководца,
Также бурно загуляли,
Пили всё, что только пьётся.

Горожанам было б можно
Опрокинуть вражью силу,
Коль она неосторожно
И бездумно закутила.
Стоило б глубокой ночью
Сделать вылазку лихую,
Разорвать вражину в клочья,
Перерезать всех втихую.

Но испуганные видом
Громких вражеских гуляний,
Осаждённые забито
Ждали божьих воздаяний.
Били лбы свои о землю
И молились с исступленьем.

Те, чей разум глухо дремлет,
Поддаются отупению.

Обе стороны конфликта
Явно не желали биться.
Олимпийского вердикта
Ожидали что ль, ленивцы?
Люди словно разучились
Что-то думать или делать,
Коль пред тем не заручились
Божьей помощью умелой.

Боги же на то и боги,
Чтоб не ведать томной лени,
Чтобы вялостью убогой
Не страдать до ожирений.
Им, конечно ж, восхотелось
За столетья беспробудной
Скуки хоть каким-то делом
Скрасить серость сонных будней.

Вот такая обстановка
Неожиданно сложилась:
Боги – развлекались ловко,
Люди – ждали божью милость.

С мерзким качеством извека
Род людской сосуществует:

Перед ленью человека
Даже божества пасуют.

15

Но всегда найдётся кто-то,
Не желающий безделья;
Тот, кто предпочтёт работу
Безудержному веселью;
Тот, кто выберет сражение
Вместо длительной осады;
Тот, кто славен ярким рвением,
А не яркой буффонадой.

Было в войске два героя,
Два вождя из царской рати,
Кто не только для разбоя,
Но и славы вящей ради
К войску присоединился
И остался недоволен
Тем, что царь остановился
И не рвался в битву боле.

А в царе угасли мщенья
Ярость и тоска разлуки.
Не желал он возвращенья
Им утраченной супруги.

Даже самая из самых
Ярких, писанных красавиц
В облаченьях шёлкотканых
Похвалы и звонких здравиц,
Даже этакая фифа
Может надоесть мужчине,
Если в серой бытовщине
Будней жизнь его тосклива.

Не вникая в суть и сложность
Мыслей, свившихся упруго,
Царь оттягивал возможность
Встречи со своей подругой.

16

Но героев не волнуют
Приземлённые мотивы,
Что в мозгу дистиллирует
Лидер их неторопливый.
Им, героям, только слава
Ощутимо греет душу,
Им бездействие – отравка,
То, что их гнобит и душит.

Эти два вождя собрали
Храбрецов своих отрядов,
Чтоб они им подсказали,

Как сражаться дальше надо.

Если в лоб не получилось
Город штурмом взять, то значит,
Нужно хитрость вместо силы
Применить для сей задачи.
Сделать вид, что их отряды –
Пусть то выглядит не круто –
Безуспешную осаду
Прекратили почему-то.

Например – болезнь сморила:
От еды и водки местной
Всех поносом прохватило,
Что в их случае уместно.
Или круче: притвориться,
Что чума или холера
В войске царском веселиться
Приготовилась без меры.

Словно мошки на рассвете
Заклубились мысли роем.
Хитрость, следует отметить,
Так не свойственна героям.
Тут скорей всего подсказки
К ним с Олимпа поступали,

Где резвясь и без опаски
Божества интриговали.

Так совет определился
С планом, хитростью рождённым.
Стали ждать, чтоб вновь упился
Царь до чёртиков зелёных.

17

И они недолго ждали
Наступленья жаркой пьянки,
Где герои наши стали
Сердцем бешеной гулянки:
Веселились всех сильнее,
Пели песни басовито.
И старались, чтоб быстрее
Напились и царь и свита.

А когда совсем стемнело,
Под прикрытьем пьяных криков
Часть отрядов очумело
Отступила строем диким.
Не поняв, зачем стараться,
Почему среди застолья
Их заставили расстаться
С выпивкой и хлебом-солью.

Это храбрецы, сославшись
Будто бы на указанье,
Что им царь отдал, начавши
Оголтелое гулянье,
Заявили, будто войско
От столицы отступает.
Не бежит, а по-геройски
Дислокацию меняет.

Все, кто мог идти ногами,
Отступили и не в духе
Притаились за холмами
Близлежащими в округе.

Кто не смог покинуть лагерь
После принятых напитков,
Те валялись, бедолаги,
Средь разбросанных пожитков
И средь лагерных остатков,
Словно трупы, в беспорядке
Брошенные в жутком страхе
Как свидетельство о крахе.

Так они непроизвольно
Стали частью представленья
Под названием «Бесконтрольный,

Жуткий хаос отступленья».

18

Осаждённые с рассветом
Удивлённо оглядели
Лагерь брошенный зачем-то
Без причин и явной цели.
Чернота кострищ кургузо
Вилась редкими дымками
И носился вяло мусор
Меж обвисшими шатрами.

Кто в различных заварушках
Побывал не раз, тот знает,
Что бесплатный сыр в ловушках
По традиции бывает.
Жизнь как есть на этом свете
Не бывает дармовою.
Не надейтесь... И не верьте
Тем, кто вам твердит иное.

Но разумных пессимистов
Осажденная столица
Чаще чествовала свистом:
Здесь держали за тупиц их.
Это был особый город,
Где торговца и менялу

Населенье почитало
Больше нюхавшего порох.

Можно только удивляться,
Как с таким менталитетом
Удавалось защищаться
Горожанам должным следом.
Ведь у тех, кто размышляет
О своём обогащенье,
Жадность часто побеждает
Чувство самосохраненья.

Если кто-то в час осады
О добыче славной грезит,
Он воюет вяловато,
Бой ему не интересен.

Нет другого объясненья,
Почему народ повёлся
И с обманным отступленьем
Так бездарно прокололся.

Ведь когда враги столицы
Ежедневно напивались,
Осаждённые стремиться
К столкновению не рвались.

Отворить ворота, чтобы
С боем выгнать лихоимцев, –
Это не влекло особо
Ни владельца-жадобу,
Ни жадобу-«разночинца».

Но когда со стен высоких
Осаждённой цитадели
Горожане резвооко
Кучи скарба разглядели,
В них мгновенно заиграло
Нестерпимое желанье
Заграбастать достоянье,
Что вокруг – ничьё! –лежало.

Сердце алчное трепещет,
Видя брошенные вещи,
Хлипкий разум скупердя
Мрёт, халяву предвкушая.

Кто-то первый исхитрился
Слезть по стенам – был он ловок.
Вслед за ним второй спустился
Вниз при помощи верёвок.
Вскоре третий и четвёртый
Тоже как-то изловчились

И с настырностью упёртой
Вниз, как крысы, просочились.

Пятый же не стал заботой
Спуска омрачать свой разум,
Просто взял и вскрыл ворота,
Чтобы всё разграбить разом.

Затаившийся противник
Наблюдал, как горожане
Лагерь грабили активно,
Не заботясь об охране.
Осаждавшие с терпением
Ждали, чтобы осаждённым
Мозг разъело опьянением,
Ненасытностью рождённым.

И когда достигла пика
Мародёрская услада,
С громким гиканьем и криком
Войско вышло из засады.

Штурм недолгим был. Безвольно,
Без – почти! – сопротивления,
Город пал, и враг довольный
Взялся сам за разграбленье.

Был финал осады страшен –
Столько душ людских сгубили.
Город жгли, людей рубили,
Резали, кололи, били,
Просто сбрасывали с башен.

Лютым варварским ноктюрном
Кровожадно выла злоба.

Храбрецы-вожди при штурме
Беспощадном пали оба.
Был казнён юнец, укравший
Августейшую супругу,
Этим действием призвавший
Бедствия в свою округу.

А сама краса-девица,
Невредимая, живая,
Согласилась возвратиться
К мужу, прочих бед не зная.

19

Впечатления от песни
Были двойственны и жутки.

Вся деревня бессловесно

Гусяру внимала сутки,
А старик нас будто срезал
Натуральным описанием
Тошнотворного процесса
Человекоубиванья.

В тоже время с наслажденьем
Вспоминались те моменты,
Где гусяр нас с вдохновеньем
Тешил аккомпанементом,
Где порадовал прекрасным,
Красочным, высоким слогом.

К сожаленью, он ужасно
Огорчил нас эпилогом.
Что поделать? Жизнь – драма
С трагедийным обрамленьем.

Возвращаясь вместе с мамой,
Я высказывал сомненья:
«Согласись, в сказанье этом,
Настоящей правды мало.
Больше выдумку поэта
Песня мне напоминала.

Но на камне правдолюбном

Никому не удавалось
Даже в шутку – в плясках с бубном –
Привирать хотя бы малость.
Камень наш не дружит с ложью
В разной форме и личине.

Значит что? Старик нам всё же
Правду преподнёс в былине?»

Мама мне кивнула: «Если
Истиной гуслиар считает
Им исполненные песни,
Камень это принимает.
С камнем тем не слицемеришь,
Он почувствует сомненье.

Правда – то, во что ты веришь,
То, что держишь за воззренье.
Ложь – что ты считаешь ложью,
В чём уверен, в том и прав ты.

Но твоя ведь правда может
От чужой разниться правды.

Это не противоречье:
Истины и лжи сплетенье –

Только разность точек зрения.
В этом сущность человечья.

Люди мир воспринимают
Непомерно субъективно,
Разум будто отключают,
Действуют интуитивно,
Нелогично, импульсивно».

Мы, уже дойдя до дома,
Во дворе остановились,
Но, объятые истомой,
Внутрь входить не торопились.

«Почему, – уже зевая,
Я спросил, – порой в былинах
Боги часто представляют
Неприглядную картину?»

На вопрос мой не имела
Мама краткого ответа.
Но потом, помедлив, смело
Мне ответила на это:

«От засилья теологий,
Вычурных апологетик

Люди видят в каждом боге
Им присущее на свете:
Все людские настроенья,
Все характеры и свойства,
Логику, дела, стремленья,
Их людское же мышленье,
Бытие, мироустройство.

Если *нечто* существует,
Люди *этому* припишут
Только то, что в них бытует,
Чем они, бедняги, дышат.

По людским понятиям волки,
Муравьи, слоны, коровы –
Жизнью вертят с тем же толком,
Что и люди, право слово!

Боги – так считают люди –
Лишь людское отраженье
И во всяких проявлениях
Боги им подобны будут.

Если человеку часто
Быть приходится жестоким,
То их боги – большей частью –

Так же злы, жестокооки;
Если люди лгут без меры,
То их боги так же лживы;
Люди храбры – боги смелы,
Труссы – боги их трусливы».

20

Мама снова улыбнулась,
Обняла меня за плечи,
Но во мне вдруг всколыхнулась
Толчея противоречий:

«Разве мы не можем, мама,
Мы, влиятельные боги,
Мир людей, таких упрямых,
Сделать менее убогим.
Сделать их, несчастных, чище,
Благороднее, честнее,
Сердцем – лучше, духом – выше!
И душою посильнее!..»

«Можем, да – на то мы боги!
Есть у нас такая сила,
Можем властвовать мы строго
Над стихиею служилой.
Можем мы людей направить
На угодное нам дело.

Можем их от бед избавить,
Рушить страны и пределы.

Можем всё. Но если будем
Мы всем этим заниматься,
Уподобимся мы людям,
Наши сущности сравнятся.

А ведь есть еще иное
Населенье Ойкумены,
У которого другое
Представленье о вселенной.

Так давай и их изменим!
Побелее и пушистей
Сделаем без лишней лени
Птиц, зверей и рыб ершистых:
Чтоб не бегал волк за зайцем;
Птицы не хватали мошек;
Чтоб питался лев эрзацем
Из травы и хлебных крошек;
Чтоб не пили крови сладкой
Комары, клопы, пиявки;
Чтобы жизнь сложилась гладко
Даже маленькой козявки...

Мир таков, каким был создан,
Даже мы его не вправе
Изменять, хоть это просто –
Переделать и исправить.
Мирозданье – не потеха,
Где Создателя не ценят.

Ты исправишь человека,
Это жизнь зверей изменит.
Ты зверей исправишь, тут же
Расплодятся вольно змеи.
Змей исправишь – мигом лужи
Жабьим игом зажиреют.
Жаб направишь на благое,
Сразу мухи с комарами
Испоганят все живое
Так, что мы завоем сами.

Были ведь у нас Титаны,
Протестанты Прометеи,
Отвергавшие спонтанно
Невмешательства идеи.

Им казалось, непременно
Нужно бряцать нашей силой,
Жечь жестоких и надменных

И лелеять добрых, милых.
Равно всем делить излишки,
Одарять монетой звонкой
И для всех устроить стрижку
Под единую гребёнку.

Но на место самых жёстких,
Выжженных огнём Титанов,
Громоздились на подмости
Сотни новых властных кланов,
Претерпевших ущемленьё
В предыдущую эпоху.
И от этого правленьё
Их вдвойне вершилось плохо.

Людям хуже становилось,
Даже чем в былое время.

Прометеем приходилось
Вновь крушить людское племя.
Снова рушились поместья,
Города и их предместья –
Всё громилось безвозвратно.

Этот цикл греха-возмездья
Повторялся многократно.

От вмешательства в людское
Бытие ставало хуже,
Мир почти не знал покоя,
Стал разграблен и разрушен.

Сбились все взаимосвязи,
Обесценилась культура,
От разрухи и от грязи
Умерла литература,
Умерло искусство, знанья
Потерялись и забылись.

Это всё и стало гранью,
За которой мы решились
По велению старейшин
Прочь изгнать навек Титанов,
Чтоб они уже в дальнейшем
Соль не сыпали на раны.

И с тех пор всё наше племя,
Наша, собственно, деревня,
Для себя избрало бремя
Управлять стихией древней.
Мы заведем ветрами,
Звёзд мерцаньем, лунным светом,

Морем, небом, облаками,
Солнцем, зимними снегами
И весенним первоцветом.

Мы себе не позволяем
Никаких – почти! – вмешательств
В человеческие судьбы –
Даже в силу обстоятельств».

Мамин голос, чуткий, нежный,
Успокаивал сомненья,
Что в душе моей мятежной
Завели коловращенье.

«И тебе пора, мой милый,
Выбрать то, чем ты отныне
Будешь ведать с нашей силой
Без излишеств и гордыни.

Повзрослел уже ты. Скоро
Твой трёхсотый день рожденья.
Детство кончилось, и впору
Выбирать предназначенье».

Я недолго над ответом
Размышлял – всё было кстати:

«Мне б хотелось небом ведать
С облаками на закате.
Красота зари вечерней
Мне милей всего на свете.
Мир стократно достоверней
Для меня в закатном цвете».

«Будь по-твоему», – и тут же
Я почувствовал, что сила
Нечто лучшего из лучших
Вдруг меня преобразила.
Всё вокруг переменилось,
Мир стал более объёмным.
Сердце радостней забилося
В восхищенье неуёмном.

А потом уже, немного
Отдышавшись от прилива
Чувств, проникнувших глубоко
Внутрь души моей счастливой,
Мы вошли в наш дом, что создан
Нарочито человеческим
Из лучистых рун, что звёзды
Дарят с неба каждый вечер.

22

Снова день сползал к закату,

Снова тучи суетливо
Озарялись розовато
Солнца отблеском игривым.
И небесною палитрой,
Облаков шатром провислым
Управлять я мог нехитро –
Просто лишь движеньем мысли.

Это соприкосновенье
С красотой живой вселенной
Прирастало вдохновеньем
И желаньем непременно
Делать мир ещё прекрасней,
Чем он был и есть по сути –
Ярче и разнообразней,
Шире, глубже, амплитудней.

Если что-то на закате
Вас заставит восхититься
Небом красочным в окладе
Туч, играющих, как птицы,
Представленьем цвета пышным,
Где превыше – розоватость,
Знайте, это не Всевышний,
Это я дарю вам радость.